

ДВА ЖАНРА ОДНОЙ ТЕМЫ

(Критический анализ литературы по проблеме связи
политики с моралью)

Проблема отношения политики и морали – традиционная для политической науки, можно сказать и по-другому – вечно актуальная, если понятие «вечности» применимо к человеческому сообществу. Ее начало обозначено громким именем Сократа, но и у него были предшественники.

Злоба дня давит. Она почти ежедневно подбрасывает в «топку» этой проблемы такой горячий материал, что трудно бывает оставаться невозмутимым. Взять хотя бы события «оранжевой революции». «Оранжевые» переиграли «бело-голубых», используя целую гамму средств, включая и самое острое – организацию массового давления. Грязно играли обе стороны, виновными стали проигравшие. Таковы правила игры. Но разве дело в людях? Разве те, кого «ушли», были лучше? Разве это не одни и те же люди в смысле политической культуры?

Наука требует почти невозможного – объективного, беспристрастного анализа идущих общественных процессов. Вот на этой возможной невозможности и зиждится плавный, несуетливый ход мировой научной мысли.

Цель данной статьи – проанализировать литературу, вышедшую по теме отношений морали и политики в последнее время, выявить основные тенденции ее изучения и на этом основании сделать вывод относительно ее возможной перспективы на ближайшие годы.

Первое направление составляют труды, авторами которых являются в основном философы-этики. Имеются в виду работы, в которых рассматриваются общие методологические подходы к самой проблеме взаимосвязи политики и морали. Среди их авторов значатся А.А. Гусейнов, И.И. Кравченко, Ю.В. Ирхин, А. Прокофьев.

Из работ А.А. Гусейнова последних лет можно выделить его доклад на международной конференции в Москве (июнь 2002 г.), опубликованный в «Вопросах философии» под названием «Об идее абсолютной морали». В нем он объясняет необходимость для реализации проекта глобализации мира абсолютной морали и раскрывает возможность создания варианта такой морали, построенной не на трансцендентных, а на рациональных, конвенциональных основаниях. Этическим ядром такой морали, по мнению

Гусейнова, должен стать принцип ненасилия. Этот принцип заложен в основах всех великих религий и оплодотворенных ими культур и может считаться категорическим императивом нашего времени [1,10].

В статье И.И. Кравченко подчеркнут сложный и противоречивый характер отношений, многомерный и неустойчивый процесс взаимодействия политики и морали. «Мораль в каком-то смысле подобна музыке, - считает он, — она существует «виртуально», в идеалах и принципах и звучит лишь с помощью инструментов другой, неморальной природы, в чувствах и сознании человека, да и то, если он к ней восприимчив» [2, 3].

Не думаю, что сравнение морали с музыкой удачно. Музыку можно выключить, с моралью так обойтись нельзя. Мораль скорее можно сравнить с пронизывающей радиацией: неслышно и невидимо она присутствуют везде. Это свидетель, от которого нельзя избавиться.

А вот ключевая цитата: «...мораль и политика автономны по отношению друг к другу, хотя и относительно». Мораль контролирует политику, стоит вне ее и над ней, утверждает И.И. Кравченко [2, 5]. Если мораль «стоит вне и над», то ее тем более нельзя сравнивать с музыкой, *проникающей* в душу. И потом надо еще доказать факт автономии, хотя бы и относительной, морали и политики. Может, эта автономия рождается в некоторых автономных головах.

Думаю, значительная часть разногласий и споров объясняется разными смыслами, вкладываемыми исследователями в понятия «мораль» и «политика». Эти понятия обладают сложной, многоуровневой, духовно-материальной структурой. Сфера сознания едина и целостна, существующие в ней уровни не перегораживают ее на отдельные автономные сектора. Можно ли говорить об автономии разреженных слоев атмосферы от ее плотных слоев, непосредственно нависающих над землей? Поэтому вряд ли можно говорить, как это делает И.И. Кравченко, об «автономии», хотя бы и относительной, морали и политики *в смысле* разделенности морального и политического уровней единого сознания. Также слишком жестким представляется выражение «мораль контролирует политику». Скорее моральное сознание *пронизывает* политическое сознание, образует там идеальный, небесный горизонт, то есть рождает установки, которые выходят за границы собственно политических целей.

Далее, И.И. Кравченко пишет, что «для политики одновременно существует *два долга*» [2, 6]. (Курсив авт. – Г.Г.). Речь идет о политическом и моральном долге. Это раздвоение долга порождает, по его мнению, «дилемму Макиавелли» - такое предпочтение одного из них, при которых не остается места

либо политике, либо морали. Мораль ограничивает политику, поэтому политика стремится освободиться от морали. Макиавелли дает ей в этом санкцию.

И в этом случае есть что комментировать. Политический долг – это долг перед группой, делегировавшей политическому субъекту полномочия представлять ее интересы. В этом случае индивидуальное «Я» идентифицирует себя с «Мы». Моральный долг – это ответственность личности перед самим собой, своей бытийственной сущностью; это то, что вырывает человека из тенет социальности, оставляя с Богом наедине. Таким образом, по сути речь идет не о политике и морали, а о двух уровнях нравственности – политической и моральной. Если между ними возникает коллизия, то выбор чрезвычайно сложен и ситуативно конкретен. То есть нет правила, в соответствии с которым можно однозначно решить, что лучше: сохранить душу и стать «предателем» или выполнить свой «гражданский долг», принеся в жертву свои моральные принципы. Выбор тут всегда остается за личностью. Ей держать ответ перед своей совестью. Со своей стороны полагаю, что сам Макиавелли не стоял перед «дилеммой Макиавелли», не чувствовал морального раздвоения, поскольку отдавал себе отчет в том, что в политике моральный абсолютизм не имеет права на существование.

Ю.В. Ирхин указал на три подхода к морали в политике: морализаторский, ценностно-нейтральный и компромиссный. «Компромиссный подход, - поясняет он в своей статье, - преобладает среди большинства ученых и нравственных политиков. Он исходит из признания необходимости учета нравственных норм в политике, учитывая специфику последней. Вот почему “хорошая политика” не отличается от “хорошей морали” [3, 10]. В дальнейшем понятие «компромиссный» автор разбираемой статьи заменяет на определение «разумный»: разумное соотношение политики и морали, разумное взаимодействие политики и права и т.п. Как определить меру разумности на практике – одному Богу известно. И если, по справедливому замечанию Ю.В. Ирхина, мораль не терпит компромисса, то хотелось бы получить разъяснение, в чем состоит «разумный компромисс» морали с политикой?

Автор учел это желание, о чем можно судить из следующей цитаты: «Гармоничное или хотя бы разумное взаимодействие морали, политики и права благотворно отражается как на самих рассматриваемых феноменах, так и на обществе в целом. Принципы такого взаимодействия определил еще И. Кант. Он учил, что следует поступать так, чтобы всегда относиться к человечеству (и в своем лице, и в лице также всякого другого) как к цели и никогда не относиться к нему только как к средству» [3, 14].

Это место особенно наглядно демонстрирует, что Ю.В. Ирхин просто не понял, что категорический императив Канта требует *безусловного подчинения* политики морали. Какое же здесь «разумное взаимодействие»? Тем же требованием подчинения политики морали, по сути утопичным, проникнуто еще одно высказывание Ирхина: «Подлинное искусство политики – это искусство делать так, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным» [3, 11]. Сократ прослыл чудачком среди своих сограждан в немалой степени потому, что хотел убедить их в том, что добро окупается.

Далее, Ю.В. Ирхин утверждает, что ценностно-нейтральный подход к политике делает ее аморальной и для убедительности заключает: «В «Артхашастре», работе Н. Макиавелли «Государь» и других трактатах описаны способы формирования твердой государственной власти по принципу «цель оправдывает средства» [3, 10].

Позвольте спросить: почему? Ценностно-нейтральный подход, или имморализм может иметь место, когда речь идет о *политическом анализе* (объективное положение участников, их ресурсы, сильные и слабые стороны, возможные варианты развития событий, тактические схемы, моральное состояние как фактор силы и т.п.). Именно на таком, *внеморальном подходе к политике как профессиональной деятельности*, настаивали и автор древнеиндийского трактата «Артхашастра» Каутилья, и Макиавелли, и Гоббс, и Маркс, и Ленин, и другие *макиавеллисты*. Но это отнюдь не значит, что эти люди считали политику как таковую аморальной, тем более, что они ею занимались. Среди этого списка имен выделим, как наиболее знаковую фигуру, Макиавелли. Многие исследователи давно уже отметили, что Макиавелли в «Государе» не отказывается от моральных характеристик, зло называет злом, добро – добром, жестокость – жестокостью, справедливость – справедливостью. Другое дело, что он показывал на примерах, что в политике личные добродетели не всегда приводят к позитивному результату и более того – очень редко. Полностью разделяю точку зрения Л. М. Баткина, когда он пишет: «Презируя человеческую природу, но не добродетель, Макиавелли не собирается закрывать глаза на первую ради второй» [4, 70]. Далеко небезнравственный историк Н.М. Карамзин поучал молодого Александра Первого: будь Вы по душе самым распрекрасным христианином, как император Вы - то же, что и Марк Аврелий. То есть для государей, государственных деятелей вообще государство, его благо - цель вне конкуренции, а личные убеждения, нравственные приоритеты отходят на второй план. Если политика провальна, то ничто не спасет политического деятеля от сурового исторического суда, какими бы добрыми мотивами он не руководствовался. Яркий тому пример – М.С. Горбачев.

Во всяком случае, там, где идет речь о конкуренции целей, мотивов, дать однозначную моральную оценку нельзя. В противном случае тема «мораль и политика» как научная и практическая проблема давно была бы снята, а вместо нее мы бы имели скучную тягомотину рассуждений об «относительной автономии» морали и политики.

В статье еще одного философа морали А. Прокофьева «Моральный перфекционизм и аксиологические основания политики»^{*} рассматриваются

перфекционистские концепции политической этики, то есть такие концепции, в основу которых положен принцип самосовершенствования индивида. Есть этические теории, социально ориентированные, а есть направленные на самосовершенствование индивида и создание благоприятных условий для такого образа жизни. Первые, конечно, ближе к политической жизни, но и перфекционистская теория политической этики возможна и необходима современному политическому обществу, уверяет нас Прокофьев, поскольку, чтобы эффективно функционировать, оно должно иметь единую общепринятую ценностную картину правильного взаимодействия общества и индивида и идеальный образ совершенного человека, который это общество поддерживает. Автор разбираемой статьи ненавязчиво отрицает существование особой политической этики, выходящей за рамки нравственной шкалы, которая с детства усваивается индивидами. «Как мне кажется, - размышляет он, - рассуждения М. Вебера о двух «этиках» ориентируют этическую и политологическую мысль не на поиск «внеэтической политики» или же какой-то специфической «политической этики», противопоставленной в своих глубинных основаниях этике, обращенной к индивидам, но именно к осознанию меры специфичности функционирования нравственных ценностей, механизмов оценки и определения линии поведения в политическом («властном») пространстве» [5].

Другая группа авторов по проблеме связи политики с моралью – это теоретики политической науки – политические философы, историки политической мысли, политологи. Среди них я хотел бы выделить работы Б.Г. Капустина. В современной России он, наверное, самый плодовитый автор, разрабатывающий тему *морали в политике*. Во всяком случае его перу принадлежат ряд статей и солидная монография, которые вызвали оживленную дискуссию в ученой среде [6]. Работы Б. Капустина отличает не только оригинальность собственных рассуждений автора, но и отменное знание западной литературы по проблеме. Не случайно он выступил редактором и автором вступительной статьи хрестоматии "Мораль в политике» [7].

В указанных работах Б.Г. Капустин формулирует и решает задачу выведения морали из политики. Он разрабатывает концепцию политической морали, у истоков которой стояли Макиавелли и Гоббс. Его не интересует моральная политика и моральные политики, он не видит проблему выработки моральных критериев, адекватных политики, он ничего не хочет знать о политических добродетелях. Словом, он не аристотелик. В этой связи Б.Г. Капустин крайне

пессимистично оценивает усилия философов-этиков по обнаружению посредствующих звеньев и линий пересечения между двумя мирами – моральным и политическим. В предпосланной хрестоматии статье он прямо заявил о «бесплодности» темы «Мораль и политика»: «До тех пор, пока они воспринимаются как два разных, внешних друг другу «мира», которые мы пытаемся так или иначе соотнести, мы не двинемся дальше банальностей, либо затертых до неприличия, либо уносящихся в выси абстракций, где нельзя найти ничего живого» [7, 3]. В более ранней статье «Критика политического морализма» он писал: «...я не собираюсь ни доказывать, ни опровергать правомочность этической точки зрения на политику, как и любой другой – эстетической, народнохозяйственной или психотерапевтической. **Меня интересует не то, как *выглядит* политика или как мы оцениваем политику с той или иной точки зрения, а как политика *«работает»***» [6, 34]. (Жирным шрифтом выделено мной, курсив авт. – Г.Г.). «Моя задача, - читаем ниже, - в том, чтобы рассмотреть, *как* участвует мораль в «работе» политики. Это - *внутренняя проблема* политической философии, решение которой ни в коей мере не может дать прикладная проекция общей или «чистой» этики на политику» [там же, курсив Б.Г. Капустина]. Вот, собственно, краткое и ясное описание исходной методологической позиции, которую реализует этот автор в своих трудах.

Б.Г. Капустин является руководителем виртуальной мастерской, в рамках которого была проведена дискуссия «Политическая мораль и моральная политика по статьям Б.Г. Капустина»*. В виртуальной дискуссии приняли участие В.М. Межуев, А. Бикбов, дважды – В. Вольнов, А. Дахин, М. Дегтярева, А. Мартынов, М. Сокольская, К. Сулимов.

Дискуссия показала, что далеко не все в принципе и в частности разделяют взгляды Б.Г. Капустина. На мой взгляд, наиболее серьезная критика его концепции политической морали содержалась в выступлении известного политического философа В.М. Межуева. Причем следует подчеркнуть, что свою критическую аргументацию он выстроил на основе кантовской политико-правовой теории. Он поставил под сомнение необходимость выделения особой политической морали из самой политики. По его мнению, если мы должны, следуя логике автора, признать наличие особой политической морали, то это неизбежно приведет нас к моральному релятивизму, к отрицанию общей для всех системы моральных ценностей. А если такая мораль все-таки существует, то возникает вопрос, что служит для нее основанием? Задав такой вопрос, Межуев на него сам же и ответил: «Таким основанием, как я думаю, является свобода, в том числе и политическая. Последняя, если и подчиняется какому-то закону, то только моральному. Мораль - единственная форма законодательства для свободы. Свобода не тождественна морали, но без последней способна обернуться произволом и насилием. В основе морали лежит признание за

каждым права на свободу, а моральное действие (или поступок) есть действие с учетом этого права. Короче, морально все то, что не ущемляет свободу других» [8]. Это – типичный кантианский дискурс.

Главный тезис самого Межуева следующий: «Для политики, понимаемой и реально существующей как власть, главной законодательной инстанцией является все же не мораль, а право. Самое большее, что общество может потребовать от власти, - это то, чтобы она была законной, легальной, не выходила за рамки действующего права». И далее: «О моральности власти и политики больше всего говорят там, где еще нет правового государства» [8].

Здесь уважаемому философу можно возразить. Право – это еще не свобода, а ее возможность. Нужно хотеть и уметь ее реализовать. Мало быть свободным гражданином, надо ценить свободу как высшую ценность и быть готовым ее отстаивать перед лицом власти «до конца». Этому учит жизнь в гражданском обществе, которое организует активное давление на власть «снизу». Как показал К. Поппер, перманентная критика власти «снизу» является главным условием нормального функционирования демократии. Между тем, некоторые западные исследователи констатируют нравственную расслабленность значительной части граждан, их мало чем обоснованную веру в том, что их права защищены самим устройством политико-правовых институтов. Значит, *формула моральной власти* такова: правовое государство плюс гражданское общество плюс культура свободы гражданина.

Таким образом, конфликт между философами морали и политическими теоретиками, шире – политологами в подходе и решении политико-моральной проблематики вполне обозначен. Первые формулируют свой жанр – «*мораль и политика*», вторые – «*мораль в политике*»; первые склонны рассуждать об «автономии» этих двух сфер, отрицают специфику политической морали, признавая лишь специфику самой политики; вторые говорят о подчиненности морали (закона свободы) политическому порядку (необходимости); первые так или иначе являются кантианцами, вторые – макиавеллистами, критиками кантовской теории морали и, соответственно, кантианского морально-политического дискурса.

Когда заходит речь об абсолютной, универсальной морали в разных ее вариациях, мы сразу оказываемся внутри кантианской традиции в широком смысле. И ее противники спешат задать «ядовитый» вопрос: а как такая мораль может работать в политике? При этом они не надеются получить убедительный ответ. По их мнению, она там никак не может работать и даже не может быть использована для внешней оценки политических фактов, потому что моральный

абсолютизм в принципе не применим к практической политике. В центре кантовской морали, заявляют они, находится автономный, самоуглубленный индивид, которому наплевать на все, кроме самочувствия морального комфорта. Такой индивид асоциален и для политики потерян.

Каждый исследователь, кто входит в пространство этой дискуссии «идеалистов» и «реалистов», должен самоопределиться и выбрать себе «компанию». И автор этих строк, естественно, не исключение. И хотя я принадлежу к цеху политологов, точнее, историков политической мысли, тем не менее я не спешу присоединяться к точке зрения Б.Г. Капустина и его сторонников. Более того, по ряду вопросов (его отрицание Канта и всей кантианской линии морально-политических дискурсов, оценка как «провала» проекта Сократа по созданию и внедрению в реальную политику Афин модели морального политика, критика «несостоятельности» гандизма) я готов с ним спорить.*

На мой взгляд, этико-политический жанр исследований имеет право на существование. Утверждая это, я думаю прежде всего о книге известного американского морального философа А. Макинтайра «После добродетели»**, в которой я встретил ряд мыслей, созвучных моему исследовательскому интересу. К примеру, А. Макинтайр пишет о составляющих нерв современной жизни политических дебатах между сторонниками индивидуальной свободы и социального планирования и регулирования, которые часто проходят в терминах предполагаемой противоположности. «Но на самом деле, - далее рассуждает он, - решающим является то, в чем соглашаются спорящие стороны, а именно, что имеются только два альтернативных доступных нам вида социальной жизни, в одном из которых верховным является свободный и произвольный выбор, а при втором – верховной является бюрократия, что проявляется в ограничении свободы и права произвольного выбора индивидом. Если принять во внимание это культурное согласие, неудивительно. Что политика современного общества колеблется между свободой, которая представляет собой ни что иное, как отсутствие регулирования индивидуального поведения, и формами коллективистского контроля, предназначенного лишь для ограничения анархии эгоистичных интересов» [9, 51].

В приведенной цитате привлекает подчеркивание единства и противоположности двух возможных видов социальной жизни, которые представлены спорящими между собой философскими, этическими и политико-

правовыми доктринами. Причем единство глубже, значительнее, важнее конфликта. Я совершенно согласен с таким подходом.

Если внимательно всмотреться в суть противоречий моральных философов и политологов, то можно увидеть, что их сердцевину составляют антиномии «внешнее – внутреннее», «абсолютное – относительное», «универсальное – особенное», «идеальное – материальное» и т.д. Эти пары объективно отражают реальность с разных сторон. В зависимости от занятой исследователем позиции ему открывается определенный угол зрения на ту или иную сторону этой реальности. Короче, для науки нужны и полезны оба жанра. Однако более полную, объемную, стереоскопичную картину могут обеспечить исследования, в которых синтетично слиты составляющие отмеченных антиномий. Как мне кажется, такого рода исследования имеют хорошую перспективу на будущее.

На мой взгляд, этому требованию отвечает *макиавеллианско-кантианский дискурс* по проблеме морали в политике, развертыванием которого я занят в данное время. Если макиавеллианский дискурс – это дискурс власти, дискурс, который осуществляется наверху социальной иерархии и посредством гигантского аппарата, то кантианский дискурс – это дискурс свободы, дискурс одного, скажем, рядового избирателя. Его массовидность и качество политической культуры определяют качество демократического строя, то есть той формы правления, которая сегодня доминирует на всей планете. Технология политического процесса, политическая и юридическая бюрократия не только не заменят, но даже не уравновесят политической активности народа и стремление к дискурсу свободы каждого. Сильнейшей мотивацией гражданской активности является именно моральная мотивация, представление о несправедливости, личном достоинстве, правах человека.

Как раб смог изменить свое положение, как буржуа со своим калькулируемым частным интересом решился на восстание, как вообще может осуществляться исторический прогресс? Без дискурса свободы это решительно постигнуть невозможно. Свобода – бытийственная категория, в политике она приземлена, расщеплена на свободы и права, но свое первородство она выражает в морали, понимаемой по-кантовски – как универсальная, абсолютная структура ценностей. Без нее политика утратит свое «небо». Мы потеряем сам критерий моральности. Неужели морально все то, что служит укреплению государства?

Макиавеллист тут же возразит: «прогресс» осуществляется как идея совершенствования форм насилия (власти) от непосредственных и грубых к более тонким и косвенным. Я все сказал об этой жизни. Ах, да, еще есть любовь. Но это производное от материнства, «естественного состояния», которое никак не связано с общественным порядком, с «политикой», деятельностью мужского начала.

Вопрос, что такое мораль, может быть заменен на вопрос, где же, с какого момента начинается мораль? Она начинается с момента реализации человеком своей свободы и получает выражение в самозапретах, добровольном самоограничении, которое человек накладывает на себя усилием воли. Это действие А. Гусейнов назвал *отрицательным поступком*. Политик также способен на такой поступок, он может не сделать того, к чему его принуждают обстоятельства и товарищи по партии.

Возникает вопрос: насколько правомерно относить проблему роли морали в политике в плоскость случаев и полагаться на моральные качества политиков как личностей? Ведь в конце концов в политическом процессе идет отбор политических активистов, которые зарекомендовали себя как исполнители общей (групповой) воли, а не моралисты, заботящиеся о своем моральном самочувствии. Задавшись этим вопросом, мы в этот момент вновь переключили регистр и оказались в пространстве макиавеллистского дискурса. Так «работает» этот «двухтактный» метадискурс. И я решительно отказываюсь делать выбор в пользу одного «такта».

1. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // *Вопр. философии*. – 2003. – №3. – С. 3-12. 2. Кравченко И.И. Политика и мораль // *Вопр. философии*. – 1995. – №3. – С. 3-12. 3. Ирхин Ю.В. Взаимосвязь политики, морали и права // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 7–15; 4. Баткин Л. Макьявелли. – В сб.: *Макиавелли в России: восприятие на рубеже веков*. – М.: Рудомино, 1996 – С. 47-78. 5. Прокофьев А. Моральный перфекционизм и аксиологические основания политики// <http://www.msses.ru/prev/research/mpp/perfectionism.rtf>. 6. Капустин Б.Г. Критика политического морализма // *Вопросы философии*. – 2001. – №2. – С. 33-55; *Его же*. Различия и связь между политической и частной моралью // *Вопр. философии*. – 2001. – №9. – С. 3-25; *Его же*. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. – М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. – 496с. 7. Капустин Б.Г. Моральная политика и политическая мораль: Предисловие // *Мораль в политике. Хрестоматия / Составл. и общ. ред. Б.Г. Капустина*. – М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. – С. 3-38. 8. Межуев В.М. Политическая мораль и правовое государство // http://www.politstudies.ru/vm/vm2/vm2_tez_1.htm. 9. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.

Статья опубликована на русском языке в: Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. – Вип. 30. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2005. – С. 710 -717.

* Эта статья в виде доклада была прочитана А.Прокофьевым на заседании виртуальной мастерской под руководством Б.Г. Капустина 17 апреля 2001г.

* Начало дискуссии датируется в Интернете 15.12.2001 г.

*Критическому анализу этих фрагментов книги Б.Г. Капустина «Моральный выбор в политике» посвящена целая часть в подготавливаемой мной к печати монографии.

**Книга «После добродетели» вышла в печати в 1981 г., перевод на русский язык осуществлен издательствами «Академический проект» и «Деловая книга» в 2000 г.